

Сун Бай Сюй на миг замер, не ожидая от Янь Чао таких проникновенных и мягких слов. Он открутил крышку походной поилки и присел, чтобы дать Сунжуну напиться. Подняв голову, юноша посмотрел на Янь Чао. Его отросшие пряди волос лениво колыхались в потоках теплого вечернего ветра.

— Брат, когда ты говоришь «очень давно», как далеко в прошлое ты заглядываешь?

Сун Бай Сюй интуитивно чувствовал: Янь Чао говорит вовсе не об их первой встрече в рождественскую ночь, когда ему было пятнадцать.

В голосе Янь Чао слышались едва уловимые смешливые нотки. В уголках его глаз застыли последние отблески заката, окутывая ресницы и волосы призрачным, туманным ореолом. В этой игре света и тени Сун Бай Сюй не мог разглядеть его взгляда и не понимал, шутит он или говорит всерьез:

— Может быть, в прошлой жизни? Или в каком-то сне?

Однако ответил он сухо и твердо:

— Мы виделись, я в этом уверен. Неважно, в параллельном ли мире или в моих сновидениях.

Стоило ему договорить, как ночной ветер внезапно усилился, принося с собой густой и сладкий аромат цветов гардении.

Сун Бай Сюй поднялся и пристально посмотрел в глаза Янь Чао.

— Может быть, мы и не встречались лицом к лицу, но я точно наблюдал за тобой. И я обязательно пришел бы к тебе, преодолевая любые преграды.

Возможно, в тех видениях, что еще не посетили его, или после того, как занавес этой абсурдной истории падет, они действительно встречались.

Вот только...

— Если и впрямь захочешь найти меня, постарайся прийти пораньше, — Янь Чао заправил выбившуюся прядь ему за ухо и поджал губы, так и не решившись произнести вторую часть фразы.

«Если ты придешь слишком поздно, я уже не смогу собрать для тебя того "старшекурсника

Яня", который тебе так нравится».

Сун Бай Сюй на мгновение впал в оцепенение.

Неизвестно почему, но слова Янь Чао внезапно отозвались в его сердце острой тоской. В груди разлилась боль — не резкая, а тупая и ноющая, от которой на миг стало трудно дышать, а в носу предательски защипало. Необъяснимая обида и грусть захлестнули его подобно прорвавшей плотину воде, вызывая нестерпимое желание обнять Янь Чао и разрыдаться прямо здесь.

Эмоции нахлынули так внезапно, что глаза Сун Бай Сюя непроизвольно наполнились слезами. Он часто заморгал, пытаясь прогнать влагу. Его мокрые ресницы опустились, а голос стал гнусавым и приглушенным:

— Прости, я сам не знаю, что со мной... брат Янь, дай мне минутку прийти в себя.

Сквозь эту тупую боль пробилась странная, но непоколебимая уверенность.

Янь Чао определенно говорил ему это раньше.

Иначе откуда это глубокое, почти выжженное в подкорке мозга чувство дежавю?

— Ну чего ты расплакался? — Янь Чао кончиками пальцев коснулся его влажного века. — Сунжун же смотрит.

Бордер-колли сидел у их ног и, склонив голову, наблюдал за покрасневшимся хозяином. Его большой хвост беспокойно подергивался, а в глазах читалась почти человеческая тревога.

— Всё в порядке, просто на секунду стало очень грустно, — Сун Бай Сюй шмыгнул носом. — Никак не получается остановить эти слезы.

— Съешь конфету, — в руках Янь Чао мгновенно оказалась черничная мармеладка. Он надорвал упаковку и вложил угощение в послушно открытый рот Сун Бай Сюя. Глядя на его правую щеку, слегка выпирающую от сладости, он негромко подразнил: — Ну точь-точь как маленький ребенок.

Сун Бай Сюй решил, что тот намекает на его плаксивость, и недовольно сморщил нос:

— Рядом с любимым человеком всегда становишься немного наивным.

Они снова взялись за руки и побрели вдоль искусственного озера в сторону дома. Когда

последние лучи заката окончательно погасли, а луна запуталась в ветвях ив, Сун Бай Сюй произнес:

— Если бы можно было всё начать сначала, я бы обязательно окликнул тебя в ту рождественскую ночь. Сказал бы, что меня зовут Сун Бай Сюй и я очень хочу познакомиться со своим старшекурсником.

— Ничего страшного, — Янь Чао погладил его по голове. — Сейчас тоже не поздно.

Сейчас всё просто замечательно.

В выходные переезд завершился успешно, но полноценный праздничный ужин в честь новоселья удалось устроить лишь через полмесяца.

Всему виной был плотный график: в понедельник после переезда господин директор Янь улетел в командировку во Францию. Эта поездка затянулась на десять дней, так что он даже не успел толком привыкнуть к кровати в новом доме.

На этот раз Сун Бай Сюй не поехал с ним — он был занят открытием своей галереи.

Из-за разницы во времени им удавалось созваниваться по видеосвязи лишь на полчаса в день. Чаще всего Сун Бай Сюй без умолку щебетал на одном конце провода, а Янь Чао на другом продолжал работать. Дождавшись, пока парень закончит свой длинный рассказ, он кратко комментировал услышанное и в конце обязательно напоминал ему выпить воды, чтобы не перетруждать горло.

Но иногда их общение не ограничивалось простыми разговорами.

В вопросах близости Сун Бай Сюй всегда был прямолинеен и горяч, стараясь использовать любую возможность, чтобы «прильнуть» к любимому. И хотя его опыт оставлял желать лучшего, а прогресс был медленным, это ничуть не мешало его азарту.

Когда Сун Бай Сюй озвучил свою просьбу, Янь Чао на мгновение решил, что ослышался, и едва не испортил страницу контракта.

— Я говорю, что хочу попробовать «телефонные игры», — в Китае как раз было время обеденного перерыва. В комнате за плотными шторами царил полумрак, располагающий к определенным мыслям. Сун Бай Сюй растянулся на кровати и, боясь, что Янь Чао его не понял, добавил по-английски: — Брат, я хочу попробовать phone s/e/x.

Янь Чао долго хранил молчание.

Сун Бай Сюй наблюдал, как тот закрывает перьевую ручку и небрежно закатывает рукава. Полоска кожи на запястье, открывшаяся взору, казалась ослепительно белой на фоне темной ткани, а нежно-голубые вены проступали сквозь нее, словно изящные прожилки на лепестке цветка. Это выглядело невероятно красиво и в то же время таило в себе какую-то опасную остроту.

Неожиданно у Сун Бай Сюя пересохло в горле. Он облизнул губы и едва слышно позвал:

— Брат...

— Помолчи, — Янь Чао легонько постучал ручкой по столу. Он приподнял веки, и его тонкие глаза опасно блеснули. Несмотря на привычную ленивую позу, от него вдруг повеяло властью, заставившей Сун Бай Сюя невольно вздрогнуть. — У тебя есть под рукой сладости? Иди и возьми одну конфету.

Сун Бай Сюй широко раскрыл глаза, собираясь что-то сказать, но Янь Чао приложил палец к губам, призывая к тишине. Его губы тронула едва заметная улыбка, однако холодный и ясный взгляд оставался непоколебим:

— Пока конфета не растает, ты не должен издавать ни звука.

«Разве phone s/e/x... выглядит именно так?»

Сун Бай Сюй не знал, но послушно встал, достал леденец, отправил его в рот и продемонстрировал Янь Чао.

Светло-розовый клубничный шарик, зажатый между алыми губами и белоснежными зубами, выглядел необъяснимо маняще.

— Тебе запрещено говорить и запрещено разгрызать конфету. Жди, пока она растворится сама. Только тогда сможешь подать голос, — Янь Чао крутанул ручку в пальцах, его голос был лишен эмоций: — Если нарушишь условие, мы немедленно прекратим.

Сун Бай Сюй поджал губы, взял планшет и быстро набрал несколько слов.

[Брат, а ты?]

[Я тоже хочу видеть тебя... таким].

— Обо мне не беспокойся, — Янь Чао негромко рассмеялся. — Лучше последи за собой.

Колпачок ручки мерно постукивал по столу — медленно и ритмично.

— А теперь найди что-нибудь, чтобы завязать глаза.

Когда леденец наконец растаял, лицо Сун Бай Сюя пылало. С завязанными глазами он не видел, насколько жалко и в то же время соблазнительно выглядит сейчас.

Едва дождавшись разрешения заговорить, он прерывистым от слез голосом выдавил:

— Брат, ты слишком жесток!

Его голос дрожал от обиды и невыразимой нежности.

Несмотря на свои слова, Сун Бай Сюй изо всех сил сдерживался, чтобы не перейти к решительным действиям. Его колени нетерпеливо терлись о простыни, пытаясь хоть немного унять бушующее внутри пламя.

Он услышал тихий смех Янь Чао:

— И это ты называешь жестокостью?

— Всё только начинается, малыш.

Когда всё закончилось, полоска ткани, которой были завязаны глаза Сун Бай Сюя, насквозь пропиталась слезами.

Он дрожащими пальцами сорвал повязку. Его глаза опухли, а в уголках застыла краснота — юноша выглядел так, будто над ним вдоволь поиздевались.

Сун Бай Сюй потер веки, молча сел и в несколько глотков осушил стакан воды на прикроватной тумбочке. Янь Чао уже решил, что тот обиделся, когда услышал его тихий, осипший голос:

— Брат, не отключайся, пока я не усну, хорошо?

— ...Хорошо, — Янь Чао невольно улыбнулся. — Засыпай, я подожду.

Сун Бай Сюй сбросил на пол скомканное одеяло, завернулся в тонкий плед и сладко зевнул:

— Доброго дня.

— Брат... в следующий раз я хочу попробовать что-нибудь еще, — пробормотал он, уже проваливаясь в сон. Его длинные густые ресницы подрагивали на влажных веках, и в этом состоянии он казался на редкость покладистым. — Можешь быть еще жестче, я не против.

Глядя на экран, Янь Чао лишь тихо вздохнул.

«И как в нем сочетается такой азарт с полным отсутствием опыта?»

Вернемся к новоселью.

В тот день гостей было всего трое.

Со стороны Янь Чао пришли его двоюродный брат Янь Хэ и Фу Южун, а Сун Бай Сюй пригласил свою подругу детства Лу Хуайин.

Это было первое знакомство Янь Чао с друзьями Сун Бай Сюя.

Госпожа Лу оказалась натурой весьма живой и общительной. Ее ничуть не смутила холодность господина директора Яня; едва переступив порог и обменявшись парой фраз, она тут же принялась за рассказы:

— Этот пройдоха Сун Бай Сюй наконец-то соизволил познакомить меня со своим драгоценным парнем! Господин директор Янь, вы даже не представляете, как ревностно он вас оберегает. Стоит спросить лишнее — и он сразу в стойке, будто я собираюсь увести вас у него из-под носа.

— Совершенно никакой солидарности, — старшая госпожа Лу забавно сморщила нос и продолжила ворчать: — Стоило ему позвонить, и я тут же примчалась из Ганчэна на ваше новоселье. Разве я не идеальная подруга? В свое время он мог по два часа изливать мне по телефону свои юношеские страдания, а теперь, когда добыча в руках, верная подруга больше не нужна? Какая несправедливость!

— Лу Хуайин, замолчи, — Сун Бай Сюй сунул ей в руки кусок арбуза. Он едва сдерживался, чтобы не вспылить, но продолжал натянуто улыбаться: — Почему ты не говоришь о том, что

после каждого твоего звонка моя кредитка оказывалась полностью опустошена? Еще слово — и будешь сама охотиться за новой лимиткой от принцессы Лалы в этом сезоне.

— Признаю свою вину, Сяо Сюй, — Лу Хуайин умела вовремя отступить и тут же принялась послушно грызть арбуз.

Ее молчание продлилось ровно до того момента, как в дверях показался Фу Южун.

Лу Хуайин с трудом подавляла фанатский восторг. Она наблюдала, как Фу Южун, войдя в дом, снимает маску и кепку и садится напротив нее. Он приветливо кивнул ей:

— Привет. Я Фу Южун, Янь-Янь пригласил меня.

Старшая госпожа Лу ответила сдержанным и полным благоговения кивком:

— Малыш... то есть, господин Фу, здравствуйте. Я Лу Хуайин... В жизни вы выглядите в сто раз лучше, чем на экране.

Она достала из сумочки свой личный ежедневник, открыла чистую страницу и вежливо поинтересовалась:

— Можно попросить у вас автограф с посвящением? Я ваша большая поклонница.

— Конечно, — Фу Южун обернулся к Янь Чао. — Янь-Янь, дай мне ручку.

— Не нужно-не нужно, — Лу Хуайин извлекла розовую ручку с перламутровым блеском. — У меня есть своя.

— Господин Фу, не могли бы вы написать: «Для Суюйчжичунь»? — она набрала иероглифы на телефоне и показала ему. — А в самом пожелании напишите: «Пусть каждый ваш год будет чист, как Ланьлань, в душе царит покой и не будет места тревогам. Пусть так будет всегда».

Рука Фу Южуна с зажатой ручкой замерла.

Это ведь... слова из фильма «На юге от реки ничего нет».

Да и название «Суюйчжичунь» казалось ему подозрительно знакомым. Разве это не их с киноимператором Се фанатское сообщество?

Фу Южун аккуратно вывел каждое слово и вернул ежедневник Лу Хуайин, не удержавшись от вопроса:

— До сих пор шипперите нас с учителем Се?

Ох, ее раскрыли.

Лу Хуайин мысленно посетовала на то, что «малыш Жун» слишком внимательно следит за жизнью фандома. Впрочем, госпожа Лу не чувствовала ни капли неловкости перед своим кумиром. Она открыто кивнула:

— Шипперю. Даже если в реальности у вас плохой финал, в моем воображении вы всё равно вместе.

Фу Южун на мгновение потерял дар речи и смог лишь сухо кашлянуть:

— Спасибо за поддержку.

— Не за что, — Лу Хуайин заметила его замешательство и лукаво улыбнулась: — Сегодня здесь нет звезд и фанатов, только друзья, которые пришли поздравить Сяо Сюя и господина директора Яня с новосельем!

Она поднялась с места:

— Пойду на кухню, посмотрю, как там дела у Сяо Сюя.

Фу Южун указал на громоздкий предмет, оставленный в прихожей:

— Подарок на новоселье, не забудь распаковать.

Янь Чао протянул ему дольку очищенного мандарина:

— И что там?

— Эргономичное кресло, — Фу Южуну было лень даже руку протянуть, он просто наклонился и губами забрал угощение прямо с ладони Янь Чао. Его щеки смешно раздулись, пока он жевал. — Ты как-то упоминал, что у тебя затекает шея и плечи. Подумал, что это будет в самый раз.

— Там два кресла: черное и белое. По одному для тебя и твоего младшекурсника, — Фу Южун понизил голос: — Тебе черное. Белое — топовой комплектации, а черное — топовая модель в эксклюзивном дизайне.

Янь Чао невольно улыбнулся:

— Спасибо.

Фу Южун перехватил пробегающую мимо длинношерстную шиншиллу. Пользуясь покладистым характером маленького Янь Бая, он вдоволь его натискал. Чмокнув котика в макушку, он посмотрел на бордер-колли, резвящегося на заднем дворе, и с легкой завистью вздохнул:

— Кошка, собака, размеренная жизнь... Возвращаешься домой, а там тебя ждет горячий ужин. Просто сказка.

— В конце этого месяца я улетаю в Юньнань на съемки шоу. Не хочешь навестить меня? Проведем там пару дней, отдохнем.

— Боюсь, не получится, — Янь Чао поудобнее устроил на коленях запрыгнувшего к нему Янь Бая и принялся неспешно разглаживать его длинную шерсть, превращенную Фу Южуном в беспорядок. — У Сяо Сюя в конце месяца день рождения. Скорее всего, мне придется поехать в Ганчэн.

Фу Южун удивленно приподнял бровь:

— Значит, решил остепениться?

<http://bllate.org/book/16124/1589397>